

УДК 398.332.47(470.331)

**РИТУАЛЬНЫЕ ОГНИ В МАСЛЕНИЧНОМ ОБРЯДОВОМ ТЕКСТЕ
ОСТАШКОВСКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
(по экспедиционным материалам 2011-2012гг.)**

С. А. Ситникова

Государственная академия славянской культуры, филиал в г. Твери
кафедра народного художественного творчества

Статья посвящена некоторым знаковым зонам тверского обрядового масленичного текста, связанным с ритуальными масленичными огнями и обрядовыми действиями, предшествующими им и следующими за ними. Представленные материалы получены в ходе экспедиционного фольклорно-этнографического обследования Осташковского района Тверской области (2011–2012гг.) преподавателями и студентами Государственной академии славянской культуры (филиал в г. Твери).

Ключевые слова: *тверская локальная традиция, календарный обряд, обрядовый текст, масленичный костёр, ритуальный огонь, масленичная пророческая традиция*

Данная статья основана на фольклорно-этнографическом материале, полученном в ходе экспедиции преподавателей и студентов ГАСК (филиал в г. Твери) в Осташковский район Тверской области (2011 – 2012 гг.). В ней представлены зафиксированные на этой территории фольклорно-этнографические материалы по масленичной календарной обрядности. В статье рассмотрены обрядовые компоненты, связанные с масленичной зоной ритуальных огней. К ним относятся ритуальные способы добывания материала для масленичного костра; традиции сжигания в масленичном костре *растительных* материалов – берёзовых поленьев, соломы от злаковых растений и льна или снопов, соломенного чучела; традиция сожжения *старого*; движущиеся ритуальные огни; обрядовые традиции прыгания через костёр; способы ритуального прорицания по масленичному костру.

Науке хорошо известна распространённая у славян традиция добывания горючего материала для масленичных костров тайным, воровским способом. Эта ритуальная практика широко бытовала и в Тверской области, например, в Торжокском, Торопецком, Андреапольском, Зубцовском, Вышневолоцком районах, и являлась одним из способов сакрализации завершающего этапа масленичного обрядового комплекса.

Иная традиция подготовки к заключительному кострищу обнаружена нами в Осташковском районе Тверской области. Дрова на масленичный костёр здесь открыто собирали по дворам, и если кто-либо пожадничает и даст мало дров, то потом устроители костров «сами возьмут втрое больше», но не силой, а так, что хозяева не видят, и обнаруживают пропажу после того, как подбор уже совершён:

«Масленицу жгли на озере Селигер. Ребятишки на санках дрова собирали. В течение зимы собирали поленья, которые не расколоть – откладывали на Масленицу» (*Курабнова (Никитина) Валентина Ивановна, 1943 / 2011 гг., д. Берёзово, Осташковский р-н*). «На Масленицу едут и собирают дрова – люди

выносят на дорогу. Кто выделяет лошадь, тот и собирает дрова» (*Сергеева Ангелина Сергеевна, 1944 / 2011гг., с. Щучье, Осташковский р-н / с. Святое, Осташковский р-н*). «На Масленицу...на озере около д. Себрово жгли костёр. Дрова для костра собирали на лошадке. Люди сами знают, что надо вынести охапку дров» (*Мосягина (Колосова) Анна Михайловна, 1928 / 2011гг., с. Себрово, Осташковский р-н*). «Масленицу жгли. Собирали в том краю села свою Масленицу, а у нас – свою. Дрова собирала молодёжь (и парни, и девки). Бывало на лошади, а бывало и на санках: "Дайте дров на Масленицу". А не дашь дров – и на Масленицу не приходи. А люди знают, сами выкладывают за ворота из калитки кучечку дров. Кому не жалко – и 10 положат, а кому жалко – хоть 5 (*Иванова Прасковья Фёдоровна, 1935 / 2011 гг., д. Большое Веретье, Осташковский р-н / с. Святое, Осташковский р-н*). «Масленицу жгли около нашего дома. Отец был конюхом, в воскресенье запряжёт в дровни лошадку и едет, собирает дрова, старую обувь, старьё, что не нужно. Все собирают и выносят на скамеечки» (*Семёнова Раиса Григорьевна, 1940 / 2011 гг. в д. Заозерье, Осташковский р-н / с. Святое, Осташковский р-н*).

Приведённых свидетельств достаточно, чтобы утверждать, что в Осташковском районе Тверской области зафиксирована своеобразная традиция ритуальных способов добывания материала для масленичного костра. Вероятно, традиция общинного открытого собирания дров для общественного масленичного костра по внутреннему смыслу одной из своих важных семантических граней совпадает с традицией ритуального воровского добывания дров для этой же цели. В основе и той, и другой обрядовой практики лежит архаичная идея приобщения всех и каждого к общему ритуальному действию (связанному с обеспечением благополучия всей общины) путём внесения в него каждым своей лепты. Общественный характер подготовки и проведения «огненного» масленичного действия является одной из главных специфических черт ритуальных костров в обрядах не только славянских, но и всех европейских народов. Традиция всеобщего участия социума в подготовке кульминационного фрагмента масленичного обрядового комплекса, как одна из глубинных архаичных характеристик масленичного ритуала, сохранилась в тверском масленичном тексте, и своеобразно представлена в Осташковском варианте.

Фольклорно-этнографические материалы говорят о широком распространении на тверской земле традиции сжигания в масленичном костре соломы от злаковых растений и льна (в виде снопов, тюков, вороха соломы) или дров (чаще всего берёзовых). Не является в этом отношении исключением и территория Осташковского района:

«Масленицу жгли около нашего дома. На костёр дрова шалашом поставят, и горит» (*Семёнова Раиса Григорьевна, 1940 / 2011 гг., д. Заозерье, Осташковский р-н / с. Святое, Осташковский р-н*). «На берегу трава – треста или камыш называют, накосим косой и возим на костёр в прошёное воскресенье» (*Ковалицына (Громова) Надежда Ивановна, 1937 / 2012 гг., д. Волоховщина, Осташковский р-н / д. Светлица, Осташковский р-н*). «В последнее прошёное воскресенье жгли Масленицу (костёр). Кострище жгли на ляпинском берегу (д. Ляпино, на берегу озера Селигер). Костёр был порядочной высоты – метра два, наверное. Из дома носили поленья. Каждый брал охапку для костра» (*Козлова Маргарита Ильинична, 1947 / 2012 гг., д. Светлица, Осташковский р-н*). «Для масленицы соблюдаем ржаные снопы, прячем от взрослых, а вечером жгли кучку» (*Степанова (Чижова) Зинаида Ивановна, 1948/2012 гг., д. Зорино, Осташковский*

р-н). «Масленицу жгли на озере Глубоком. По деревне с саями собирали дрова по охапке с каждого, лён на санках привозили – обмолоченные снопы, чучело не делали» (*Романова (Петрова) Людмила Алексеевна, 1950 / 2012 гг., д. Глубочицы, Осташковский р-н*).

Берёзовые поленья, ржаные, льняные снопы, сжигаемые на масленицу, объединяет их растительное происхождение. Очевидно, истоком традиции сжигания в обрядовом костре берёзовых поленьев является культ дерева, возникший в доземледельческие времена. Солома, злаковые или льняные снопы являются знаком ритуальных переживаний земледельца, жизнь которого зависела от урожая этих культур.

Вместе с тем, масленичная обрядовая традиция Осташковской земли хорошо сохранила и другой вариант «горючего» для ритуальных огней. В осташковских масленичных кострах традиционно, наряду с дровами, снопами, соломенными тюками, сгорали и старые, отжившее своё вещи – (старьё, рухлядь, мусор, хлам), то есть старая одежда, обувь, берестяные лапти и валенки, кошель, корзины и севалки, подтира, старые берёзовые веники, солома и стружки:

«Раньше корзины плели с леса, с сосны. Раскалывали, сушили – корзины плели, оставались отходы – стружки. Вот из этих стружек костёр жгли, дров подносили» (*Лазарева Мария Михайловна, 1923 / 2011 гг., д. Лецины, Осташковский р-н / с. Святое, Осташковский р-н*). «Делали чучело – кол с перекладиной, обряжали старьём и жгли. ... Жгут в нескольких местах деревни» (*Степанова (Крылова) Надежда Николаевна, 1933 / 2011 гг., д. Роги, Осташковский р-н*).

В традиции сжигать отжившие своё вещи и материалы в ритуальном масленичном костре явно выражены обрядовые усилия, направленные на обновление, на избавление от *старого* ради приобретения *нового*. Сам по себе акт сожжения в рамках ритуала символизирует смену старого и нового, то есть, является символическим обновлением жизни. Сжигание же того, что *названо, поименовано старым*, сгущает идею обновления, обостряя оппозицию *старый – новый*.

В данном случае ритуал сожжения, уничтожения *старого* является залогом перерождения этого старого, то есть залогом или условием появления нового. В последнем примере из с. Святого обрядовые действия, направленные на избавление от старого и на привлечение нового, подкрепляются магическим словесным призывом: «Обирай зиму, нам зима надоела!» – «Весна-красна, приходи!» Такое перерождение соотносимо с концептуальной схемой творения мира. В порубежный календарный период, каким является Масленица, актуализация идеи творения носит закономерный характер. По мнению Т. А. Бернштам, летне-осенний и зимне-весенний периоды «противостоят друг другу как *воспроизводство – уничтожение, новое – старое, жизнь – нежизнь*. В этом противопоставлении масленицу в русской традиции можно рассматривать как высшее воплощение понятия *праздник*, по В. Н. Топорову – «первопраздник»: конец старого света/мира и возникновение нового» [3, с. 147].

Таким образом, две разновидности горючих средств для ритуального костра – дрова и снопы (одна разновидность), мусор и хлам (вторая разновидность) – обеспечивают тверской масленичный обряд переплетением двух древних жизненно важных смыслов – продуцирующего, исходящего из культа растительности и космологического (творительного) в одной из определяющих его оппозиций – *старый – новый*.

Кроме масленичных костров, в Осташковском районе Тверской области зафиксированы свидетельства о ритуальном возжигании факелов. По сведениям известного исследователя славянской весенне-летней обрядности Т. А. Агапкиной, зажигание факелов в русской традиции встречается очень редко [2, с. 621; 3, с. 669]. В обследованных нами тверских районах факт возжигания факелов в Масленицу зафиксирован в изобилии. Эта разновидность масленичных ритуальных огней бытовала в Осташковском районе не повсеместно, но была довольно широко распространена. В качестве факелов выступали зажжённые от масленичного костра старые берёзовые веники, лапти, корзины, берестяные севалки, а также льняная кудель, дегтярные бочки и даже антропоморфное соломенное чучело:

«До войны это было. Масленица горит, дети берут берёзовые веники, зажигают от общего костра и бегут по деревне. Искры, сучки отлетают, кричат: «Пенки летят!»» (*Рассапкина (Гаврилова) Антонина Егоровна, 1931 / 2011 гг., д. Гринино / с. Себрово, Осташковский р-н.*)

Изображение в обряде света, огня, движущегося быстро, энергично, иногда с ускорением бега, связано с мифопоэтической идеей ритуального воскрешения-возрождения Солнца, с идеей космической победы Света над Тьмой, следствием которой является установление порядка в Мироздании. Иными словами, этот эпизод масленичного ритуала направлен на возвращение и стимуляцию солнечного тепла и света. Важным дополнением к характеристике масленичных осташковских кострищ является информация о сжигании в этих кострах или рядом с ними антропоморфного чучела, изготовленного из соломы злаковых и льна:

«В с. Святом делали чучело – из палок крестовину, на голову горшок или кастрюлю. Оденут кофту, сарафан *хорошие*, специально шили. На голову – большой платок с кистями. Зажгут, девчонки скажут: "Ой, жалко, такой платочек горит". Старые говорят: "Пускай, это наша беда горит!"» (*Ширяева (Хлебодарова) Екатерина Демидовна, 1935 / 2011 гг., д. Анушино, Осташковский р-н / с. Святое, Осташковский р-н.*) «Чучело делали на палку, тряпьем наряжали, шапку наденут. Когда жгут, бабы, вся деревня, и старые, все приходили смотреть» (*Курабнова (Никитина) Валентина Ивановна, 1943 / 2011 гг., д. Берёзово, Осташковский р-н.*)

Антропоморфное соломенное чучело – архаичный персонаж масленичной обрядности, связанный с древними представлениями о духе растительности в человеческом облике и обрядовой практикой жертвоприношений.

О масленичной традиции прыгания через костёр в Осташковском районе получены многочисленные свидетельства. В некоторых случаях удалось записать и суждения самих информантов о том, для чего совершались эти прыжки:

«Зажигали костёр в каждой деревне – в Щучьем, в Мошёнке. Через него скакаешь, что-нибудь загадаешь и прыгаешь» (*Гаврилова Евдокия Яковлевна, 1927 / 2011 гг., д. Мошенка, Осташковский р-н / д. Междуречье, Осташковский р-н.*) «Песни пели, хороводом ходили вокруг костра. Из большого костра брали немного в сторону небольшой костёр и прыгали через него» (*Крылова (Лысанова) Тамара Яковлевна, 1932 / 2011 гг., д. Рвеницы, Осташковский р-н / с. Себрово, Осташковский р-н.*)

Из приведённых свидетельств видно, что прыжки через масленичный костёр осуществлялись для стимуляции плодородия («...расти хлеб!»; «уродись урожай!»), с защитной («...деревня бы не горела», «...мухи бы не кусали») и очистительной целью («...очистить душу», «... чтобы спина не болела»). Хорошо

известно, что в традиционной обрядовой практике всех народов, в том числе и славянских, прыгание является ритуальным действием, которое имеет продуцирующее и социализирующее значение [7, с. 318]. Разного рода прыжки и подскоки символизируют вегетацию растений (в соответствии с оппозициями *высокий – низкий, динамика – статика*) и ритуально направлены на получение урожая. Прыгали на долгий лён, на коноплю, на хороший урожай овса.

Если учесть, что в пламени костров, через которые прыгают на Масленицу, сжигались растительные материалы, обладающие большой жизненной, продуцирующей энергией (берёзовые поленья, льняные, ржаные снопы, солома злаковых земледельческих культур), то станет ясным, почему известный фольклорист В. Я. Пропп пришёл к заключению о продуцирующем характере обряда перепрыгивания через огонь. «Когда прыгали через огонь, в котором сжигалось воплощение сил природы, перескакивая через него в одиночку или парами, то этим как бы приобщали себя к этой силе... Это представление есть исконное, наиболее древнее, архаическое, но забытое. Сохранились же представления об очистительной силе огня» [5, с. 96–97].

Таким образом, в ритуале прыгания через костёр, высокими продуктивными и очистительными значениями наделены и сам костёр, и прыжки через него. В этом проявляется характерная для традиционной культуры синонимичность ритуальных действий, позволяющая с помощью многократно утверждать жизненно важные обрядовые смыслы.

В ходе фольклорно-этнографической экспедиции в Осташковский р-н Тверской области нам удалось познакомиться с уникальной пророческой традицией, прочно закрепившейся за обрядовым масленичным комплексом. Эта традиция основывается на особом рода знаниях, передаваемых из поколения в поколение и связанных с толкованием погодных явлений, происходящих во время тех или иных обрядовых эпизодов. В данном случае речь идёт о наблюдении за отгоревшим масленичным кострищем и атмосферными осадками, выпавшими в ночь с «прощённого» воскресенья на понедельник, с последующей расшифровкой этих «показаний». Интерпретация состояния кострища связана с будущим урожаем, прежде всего, того, что растёт без участия человека – лесных ягод и грибов, но иногда речь идёт и о хлебном урожае.

Предсказание это осуществляется на утро после того, как сгорит масленичный костёр:

«На следующий день примечали, если снег зареет пенки (пепел от костра – С. С.), то будет урожай ягод» (*Рассадкина (Гаврилова) Антонина Егоровна, 1931 / 2011 гг., д. Гринино, Осташковский р-н / с. Себрово, Осташковский р-н*). «Утром смотрят, если за ночь засыпало снегом сгоревший костёр, будет урожайный год. Если не засыпало – ягод не будет» (*Семёнова Раиса Григорьевна, 1940 / 2011 гг. в д. Заозерье, Осташковский р-н / с. Святое, Осташковский р-н*). «Костры жгли, ребяташки собирали дровы, чтобы пенки сгорели. Дровы сгорят, на следующее утро примечали, если снегом закроет маслену за ночь, то много будет грибов. Это старые примечали. Выйдут в Маслену, когда сожгут, если месяц серпком – растущий, то ещё год хорошо проживёшь» (*Никитина (Кузнецова) Надежда Михайловна, 1937 / 2011 гг., д. Берёзово, Осташковский р-н*).

Все эти предсказания связаны в первую очередь с наблюдениями за природными явлениями. Другая линия этой традиции связана с мифопоэтическим взглядом на свойства сакрального времени (праздничное календарное порубежье), и сакрального места (костёр, ритуальный огонь как центр обрядового действия,

символизирующей ось мироздания), которые позволяют осуществлять правдивые прорицания. В этой масленичной традиции, которая сохранилась на осташковской земле, отразились древнейшие представления, согласно которым человек, внимательно и чутко вглядывающийся в явления окружающего мира, способен распознавать и читать природные, космические послания.

Фольклорно-этнографические материалы, зафиксированные в Осташковском районе, свидетельствуют о том, что масленичные ритуальные огни отличаются большим многообразием и по форме, и по сжигаемому материалу, что связано с глубокими архаичными ритуальными смыслами. Обрядовая осмысленность осташковских ритуальных действий сохранилась на всех обрядовых этапах, связанных с масленичным огнём, начиная со сбора горючего и заканчивая предсказаниями по отгоревшему кострищу. Такая высокая ритуальная значимость всех этапов масленичной обрядовой огненной практики обусловлена высокой ритуальной значимостью положения масленичного обрядового комплекса в годовом аграрном круге, который по древнему обычаю [6, с. 66–69; 4, с. 116–130] маркирует одну из поворотных точек солнечного календаря.

Список литературы

1. Агапкина Т. А. Костёр // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. Д – К. С. 621.
2. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 669 с.
3. Бернштам Т. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – нач. XX в.) // Этнические стереотипы поведения; под ред. А. К. Бабурина. Л.: Просвещение, 1985. С. 147–152.
4. Иванова Ю. В. Обрядовый огонь // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. С. 116–130.
5. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Азбука; Терра, 1995. 176 с.
6. Рыбаков Б. А. Календарь IV века из земли полян // Советская археология. 1962. № 4. С. 66–89.
7. Славянские древности // Этнолингвистический словарь: в 5 т.; под ред. Н. И. Толстого. Т. 4. П – С. М.: Международные отношения, 2009. С. 318.

**RITUAL FIRES IN SHROW-TIDE RITUAL TEXT OF OSTASHKOV'S
AREA OF TVER REGION
(by expeditionary materials of 2011–2012)**

S. A. Sitnikova

State Academy of Slavic culture
The department of folk art

The article is devoted to some symbol areas of Tver Shrow-tide ritual text, that are connected with Shrow-tide ritual fires and previous and following them ceremonial actions. Shown materials are received in course of expeditionary folk-ethnographic investigation of Ostashkov's area of Tver region (2011-2012) by professors and students of State academy of Slavic culture (Branch in Tver).

Key words: *Tver's local tradition, calender ritual, The Shrow-tide ritual text, Shrow-tide bonfire, ritual fire, Shrow-tide prophetic tradition*

Об авторе:

СИТНИКОВА Светлана Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры народного художественного творчества филиала Государственной академии славянской культуры в г. Твери (170000, Тверь, ул. Крылова, 20), e-mail: mvgask@mail.ru